

не катастрофична. Главная угроза глобализации связана с возрастанием и реваншем всего того, что было ею подавлено и вытеснено как «проклятая сторона вещей», не-норма. Возможно, «проклятая сторона» кристаллизуется в идеях, связанных с религиозной эсхатологией, хилиастичностью, надвигающимися глобальными экологическими угрозами. В любом случае, глобализму, связанному с универсальностью экономического кода и методологическим индивидуализмом, способен противостоять только политический тотализм, связанный с методологическим холизмом. В перспективе эти идеи будут левыми, так как правые

либерально-консервативные идеологии ориентированы на сохранение статус кво и связаны национальными границами, препятствующими их переносу на глобальное политическое сообщество.

¹ Национализм в отличие от патриотизма нагружен негативными смысловыми коннотациями, поэтому практически никогда не используется для самореференции, но лишь для характеристики других.

С.И. Орехов У.Н. Решетнева

ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ИСТОКИ И СОДЕРЖАНИЕ ГЕОПОЛИТИКИ КИТАЯ, или КИТАЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Сергей Иванович Орехов, доктор философских наук кафедры философии Омского государственного педагогического университета

Ульяна Николаевна Решетнева, ст. преподаватель кафедры иностранных языков второй специальности, Омского государственного педагогического университета

к середине XXI века доминирующие позиции в мировой экономике и политике, что правомерно предполагает обсуждение роли китайской цивилизации и, одновременно, порождает необходимость изучения и понимания культурных ценностей данного народа.

Одной из составляющих китайской культуры является (гео)политическая составляющая, особенности и предпосылки которой были сформулированы еще в древних религиозно-философских учениях, задавших традиции тесно переплетенного функционирования институтов и морально-религиозных императивов. Современные геополитические воззрения носят во многом интегративный характер, соединяя в себе особенности *традиционного и современного*.

Три направления традиционной китайской мысли – конфуцианство, даосизм и буддизм – это «три дороги к одной цели». Синкретичность этих учений образует высокую духовную устойчивость китайцев по отношению ко внешним воздействиям. Порядок вещей и традиционный уклад жизни, основанные на религии и философии прошлого – таковы основы китайского общества и государства. Культура прошлого дана как текст и через текст, которому можно дать различную содержательную (ре)интерпретацию: экономическую, социологическую, (гео)политическую, экологическую и др., то есть не просто включить это прошлое в настоящее, а обосновать современность, вписать ее в классическую традицию. Как гласит китайская идиома: «Наследие прошлого должно служить настоящему» (*Gu wei jin yong*).

В политическом мышлении любого древнего государства всегда были фрагменты геополитического мышления: Демокрит, Геродот, Страбон, Платон, Аристотель, Полибий, Марк Аврелий, и др., оставили после себя множество мыслей, содержание которых носит геополитический характер. Однако эти разрозненные мысли превратились в систематическую геополитическую теорию достаточно поздно: в конце XIX – начале XX веков, в период имперской активности европейских стран и создания глобальных империй. Контроль (экономический, военный, политический) над пространством является основным вопросом или основной про-

Китай – это страна, которая обладает не только самой большой численностью населения, но и богатейшей культурой, древнейшей государственностью. Еще в глубокой древности сложился жизненный уклад, сохранившийся во многом до настоящего времени. Современный Китай воспринимается как еще одна (становящаяся) сверхдержава, которая стремится занять

блемой геополитики, которая всегда формулировалась недвусмысленно. Этот вариант геополитики можно назвать *классической геополитикой*, которая основывалась на идее: *особенности географической среды определяют внешнюю политику*.

Исследуя ситуацию конца XX – начале XXI веков, правомерно говорить о возникновении *неклассической геополитики*, которая изучает детерминирующую роль ряда факторов по отношению ко внешней политике на основе следующей схемы: *географическая среда – ресурсы и технологии – человек – массовое сознание и менталитет – внешняя политика*. Опираясь на понятийный аппарат классической геополитики, неклассическая геополитика изучает роль новых явлений в жизни государства. К новым геополитическим факторам относят оружие массового уничтожения, средства доставки этого оружия, воздушное и космическое пространство, массовое поведение людей, самого человека, его психологические особенности, национальный менталитет. Современный контроль над пространством со стороны политических институтов, прежде всего государств и государственных союзов, помимо военного, политического и экономического, приобретает новые формы, в частности, идеологический, коммуникационный, информационный, технологический и культурно-национальный контроль.

К такой *неклассической геополитике* можно отнести современные геополитические взгляды китайского руководства, которые отличаются причудливыми переплетениями древних идей и новейших концепций. Китайская геополитика демонстрирует своеобразный «антропологический поворот» в этой области. Центральным фактором китайской геополитики является человек, понятый через призму классической философии. Современные лидеры вновь воспроизводят мысль Конфуция: «Из рожденных Небом и Землей человек является самым ценным».

В Древнем Китае одним из первых стал излагать геополитические идеи Чжоу-гун (XI-X в. до н.э.). Сунь Цзы (VI-V до н.э.) – основоположник школы «военной философии» – и У Цзы (IV до н.э.) в своих «Трактатах о военном искусстве» предприняли попытку рассмотрения роли государства в организации военных действий и их зависимость от географических условий. В дальнейшем, каждое новое учение – *конфуцианство, даосизм, моизм, легизм, буддизм* – с необходимостью разрабатывали политические и геополитические проблемы. На протяжении длительной истории Китая эти учения оказывали влияние друг на друга, даже при противоборстве происходила ассимиляция ряда идей и философско-религиозные взгляды начинали существовать на основе принципа дополнительности.

Особенно велико значение политического наследия Конфуция. Современное сознание обществ АТР, как само собой разумеющееся, усваивает мысль, что уже формируется азиатская цивилизация, которая базируется на конфуцианстве, даосизме и буддизме. Происходит «азиатизация Азии», вестернизация отходит на второй план, а регион возвращается к своим духовным истокам. Основу этого процесса составляет своеобразная «азиатская идея», построенная на следующих ценностях: семья, приоритет групповых интересов над индивидуальными, взаимная ответственность

друг перед другом, сильное государство – гарант интересов личности/группы.

В контексте этого процесса, рассматривая геополитические устремления Китая, необходимо учитывать его культуру. Основные идеологемы китайской геополитики явно или неявно строятся на текстовых откровениях древних и им присущи *традиционализм, ретроспективность, авторитарность*. Современное мышление, ориентированное в будущее, ищет опору в прошлом. Действует принцип: подлинность и истинность идей настоящего, обусловлены древностью и личностью. Наиболее древним учением, которое показало свою эффективность, является конфуцианство. На протяжении длительной истории Китая конфуцианский канон стал рассматриваться как практически полный свод истин: достаточно уяснить смысл высказываний Учителя, чтобы получить ответы на волнующие вопросы. Но этот смысл не всегда дан явно, он может быть скрыт в самом тексте. Поэтому последователи и должны расшифровать, разъяснить древний текст и адаптировать его применительно к современности.

В ноябре 2002 года состоялся XVI съезд КПК. Его решения имеют стратегическое (геополитическое) значение не только для Китая, но и для мирового сообщества. Среди главных результатов этого съезда, в частности необходимо указать на приход к власти «четвертого поколения» руководителей (в истории народного Китая Мао Цзэдун воплощает первое поколение лидеров, Дэн Сяопин – второе, Цзян Цзэминь – третье, Ху Цзиньтао – четвертое); включение в партийный устав идеи Цзян Цзэминя о «трех представительствах» (*саньгэ дайбяо*), допускающей возможность для частных бизнесменов вступать в партию и занимать в ней руководящие посты. В марте 2004 года Всекитайское собрание народных представителей приняло поправку к Конституции, которая впервые после революции 1949 года провозглашает «неприкосновенность законной частной собственности граждан», раньше таковой признавалась только государственная и общественная собственность. Резолюция съезда провозглашает «великое возрождение китайской нации на пути социализма с китайской спецификой». КПК, претендуя на то, чтобы представлять интересы всего народа и передовых производительных сил (рыночной экономики, высоких технологий), выдвинула в качестве социального ориентира концепцию «общества среднего достатка» (*сяокан*).

Замысел о связи планируемых реформ с понятием «сяокан» принадлежит Дэн Сяопину, который еще в декабре 1979 года отмечал: «Выдвигая задачу четырех модернизаций, мы как минимум ставим себе цель создать к концу XX века общество со среднезажиточным уровнем жизни» (Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. М., 1988. С.70.). Дэн Сяопин не упомянул о теоретических источниках концепции «сяокан», полагая, что руководителям, прошедшим традиционную школу обучения, достаточно самой идеи для понимания ее источников. Китайское мышление строится на *недосказанности*, но понятности окружающим, имеющим одинаковое образование: *sapienti sat!* Концепция «сяокан» у Дэн Сяопина переплетается с другими идеями Конфуция: доверия, взаимного долга верхов и низов, почитания старших и др.

Концепция «сяокан» – это не изобретение XX

века. Впервые упоминание о «сяокан» встречается в «Ши цзин» («Канон песен») — это самое раннее поэтическое собрание китайской древности. «Народ ведь выбился из сил, пора бы дать ему немного отдохнуть (сяокан)» (Лукьянов А., Переломов Л. Из истории идеологии *сяо кан* // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 3. С.29.). Иероглиф «сяокан» входит и в контекст фрагмента из книги «Ли цзи» («Книга ритуалов»). Это одно из произведений конфуцианского канона дает второе значение иероглифу «сяокан» — *малое умиротворение* (перевод И.С.Лисевича). В «Ли цзи» приводится рассуждение Конфуция о ритуале и необходимости его соблюдения, так как почитание ритуала обуславливает справедливость, верность, человеколюбие, уступчивость, постоянство и пр. Все это и называется *малым умиротворением* («сяокан») (Ли цзи // Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2-х томах. М.: Мысль, 1973. Т. 2. С.101.).

Китайский историк Шэнь Гуаньцюнь подчеркивает, что Конфуций высказал своего рода формулу: «Шу—фу—цзяо» (народ—богатство—воспитание) (Шэнь Гуаньцюнь. Воспитание и педагогическая мысль в Древнем Китае. Ухань, 1956. С.15.). То есть, люди должны быть сытыми, одетыми, иметь прожиточный минимум, а затем следует осуществлять их воспитание. Суть конфуцианской идеи «малого благоденствия» («сяокан»), состоит в том, что правитель должен заботиться об обеспечении народа одеждой и питанием, о его просвещении. Содержание иероглифа «сяокан», построенного на классических текстах, подвергается современной реинтерпретации, в соответствии с политико-идеологическими запросами: во-первых, иероглиф «сяокан» в сочетании с другими иероглифами («сяо кан чжи цзя») можно перевести как «*средне зажиточная семья*» и, во-вторых, «сяокан» отождествляется с *обществом средней зажиточности*.

Одновременно надо учесть, что концепция «сяокан» связана с концепцией «да тун» (Великое единение, равенство, тождество/подобие). Содержание этой концепции восходит к даосскому канону «Чжуан-цзы», в котором иероглиф «да тун» выражает предельно общий онтологический смысл: «полное единение [всей] тьмы вещей». Конфуцианцы развили содержание «да тун» в специальное социально-политическое учение, которое канонически сформулировано в трактате «Ли цзи». Сущность «да тун» выражается девятью иероглифами: «*Da dao zhi xin ye. Tian xia wei gong*», что обычно переводится: «Когда действовало Великое дао, Поднебесная принадлежала всем (была общей)». Изложенное в «Ли цзи» лаконичное описание идеального общества «великого единения» в дальнейшем начинают приобретать все большую популярность и в современном политическом лексиконе Китая «да тун» означает своеобразное абсолютное общественное процветание, по-разному интерпретированное представителями различных философских школ и политических партий.

Наряду с вышеуказанными конфуцианскими и даосскими положениями, в современном идеологическом лексиконе появилась фундаментальная категория древней философии — «дэ» (честность, благодать, справедливость). Еще отец древнекитайской политической мысли Чжоу-гун в обращении к бывшим подданным династии Шан-Инь «Великом воззвании» («Да гао»), вошедшем в текст «Шу

цзин», разрабатывая формулу смены династий, полагал, что мандат властелина предоставляется Небом тому, кто воплощает в себе наибольшее количество «дэ».

Цзян Цзэминь провозгласил, что необходимо соединить «управление страной на основе закона» с «управлением страной при помощи добродетели» (*и дэ чжи го*). Привлечение категории дэ свидетельствует о важности моральных норм в процессе формирования отношений между властью и народом. При помощи категории дэ можно объяснить и негативные явления, так как сам факт утраты «дэ» — это, согласно древним канонам, аморальность правителя, пренебрежительное отношение к подданным, нарушение норм справедливости.

Кроме того, надо отметить, что иероглиф дэ, входя в сочетание *гун дэ*, рассматривался как учение о накоплении (духовных) заслуг. *Гун дэ* — это китаизированное буддийское учение о воздаянии, которое было популярно в средневековом Китае среди императоров и чиновников: многие стремились накапливать духовные заслуги (*гун дэ*). Одним из моментов буддийского учения о властных отношениях была концепция *порядка*. И современный лозунг «управления страной при помощи добродетели» для наведения законного порядка, совмещает в себе взаимосвязь конфуцианских и буддийских идей.

Ставку при формировании жизненных ориентиров на основы, уходящие корнями в прошлое китайского общества, можно рассматривать как создание новой идеологии, основанной на *национализме*, базирующемся на ряде классических философских учений, *прагматизме* и своеобразной *конфунизации марксизма*. Эта идеология, созданная на основе концепции «сяокан» с привлечением других категорий древней китайской философии, формирует далеко идущие геополитические устремления Китая с целью превращения его в сильную мировую державу.

Древние китайцы говорили: «Великая страна не боится внешних врагов, ее можно разрушить лишь изнутри». Поэтому строительство Великого Китая начато изнутри, и китайцы мало обращают внимание на то, как к этому относятся другие. А суть внешнеполитической доктрины Китая проста: пять принципов мирного сосуществования, отказ от гегемонии, равенство, взаимная выгода и т.п. Эта доктрина формально остается неизменной, но на практике за последние годы наблюдается все большее стремление Пекина реализовывать собственный политический курс, основанный на понимании места и роли Китая в мировом историческом процессе. *Синоцентризм* никуда не исчезал, он просто менял свои формы. Самоназвание Китая — Центральное/Срединное государство (Чжунго). «О степени устойчивости этого самоназвания и стоящих за ним космологических и геополитических представлений красноречиво свидетельствует факт включения в оригинальное название КНР сочетания чжун го: *Чжун хуа жэньминь гун хэ го*, (*zhonghua renmin gongheguo*) досл. «Центральное/Срединное процветающее народное коммунистическое государство» (Кравцова М.Е. История культуры Китая. СПб., 1999. С.107.).

В рамках геополитического сознания Китай начинает рассматривать себя как одну из глобальных держав, в ней формируется новое поколение, у которого нет привязанности к России как к стар-

шему брату, а ориентация на Запад — видимость. Китай ориентируется на себя. Образ мира, в котором Китай будет играть роль геополитического центра, еще недостаточно ясен, но он постепенно создается. Борьба Пекина за мировое лидерство не просто началась, она идет давно, естественно, что китайские лидеры об этом открыто не говорят.

Реализуется своеобразная китайская концепция «подвижных границ». Ее сущность: на основе благополучной внутренней политики осуществлять внешнюю политику передвигающихся, расширяющихся границ. Китай оказывается географически окончательно незафиксированной территорией и как геополитическое образование он является динамической системой, стратегически ориентированной, пусть и на медленное, но самовозрастание.

С древности и до конца XIX века существовало деление близлежащих территорий на *фань* и *шу*. *Шу* — это территории, которые приобрели независимость и стали самостоятельными государствами. С ними Китай обращается на равных или почти на равных. *Фань* — это территории, которые ранее считались китайскими, а теперь находятся под юрисдикцией других государств, но это не означает того, что Китай с этим смирился. У него свое, особое конфуцианско-буддийское понимание международного порядка.

В своей книге «История династии Хань» Бань Гу (I в. н.э.) писал о китайцах так: «Люди здесь по натуре уравновешены и добры, почвы плодородны, растительность разнообразна. Посему здесь рождаются на свет великие мудрецы. Земли же варваров расположены по краям, и жизненные свойства вещей там ущербны. А потому в их владениях

не рождаются мудрые мужи» (Цит. по Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2000. С.112.). В сознании древнего и современного Китая всегда присутствовало мнение о величии и превосходстве китайской культуры и существовала интенция рассматривать соседей как кандидатов в китайцы.

Неторопливо, постепенно идет процесс образования *Большого Китая*: создание политической и экономической общности: КНР, Тайвань, Сянган (бывший Гонконг), Макао, Сингапур. Эти интеграционные процессы протекают на территории, в основном, с китайским населением. Происходящая «тихая ассимиляция» соседних народов, есть основа нынешней геополитики, точнее ее второй скрытый смысл. Наряду с этим зреет идея превращения Большого Китая в *Великий Китай* на основе интеграции с Индонезией, Малайзией, Филиппинами, Таиландом. В этих странах капитал *хуацяо* (местное китайское население) занимает господствующее место.

Таким образом, современная геополитика Китая строится на следующем принципе: *от Китая — к Большому Китаю, от Большого Китая — к Великому Китаю*.

Американские геополитики Джордж и Мередит Фридманы, пишут: «Двадцать первый век будет американским веком... Предыдущий период был лишь прологом к нему... С демонтажа Советского Союза начинается подлинное американское столетие» (Friedman George and Meredith. The Future of War and American World Dominance in the 21 Century. New York, 1997.). Они ошибаются, наивные американцы, XXI век будет веком китайским...

КОНФУЦИЙ И ШАН ЯН: В ПОИСКАХ ИДЕАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА¹

В.Л. Берсенеv

Владимир Леонидович Берсенеv,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института экономики УрО РАН

Прелесть *economics* — «чистой» экономической теории — заключается в том, что все ее принципы, постулаты и даже догматы можно при желании размесить на одном листе бумаги. Когда сакраментальный выбор между экономической эффективностью и социальной справедливостью сводится к проблеме угла наклона кривой на некоем графике, задумываться о чем-то ином, эпохальном и нетленном, но выходящем за пределы перечня факторов производства — это, господа, моветон.

Является ли, в таком случае, нравственность категорией неэкономической? Для сонма наших вчерашних политэкономов-марксистов, с упоением ныне рисующих на доске «крест Маршалла» как наивысшее достижение экономической мысли, ответ на сей риторический вопрос однозначен. Слишком по-марксистски звучит это слово. Так и о передовой идеологии класса-гегемона по привычке можно невзначай помянуть вслух, а это уже свидетельство о профнепригодности. Отсылка же к тому факту, что небезызвестный А. Смит был по основному роду занятий преподавателем нравственной философии (чудный оксюморон!), должна восприниматься как идеологическая ди-